

Святая
ОРСКАЯ

ВЕРНУТЬ ЖЕНУ

*Мы должны
вспомнить*

Саяна Горская

Вернуть жену. Ты должна вспомнить

<https://litres.ru/74482998>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Матвей твой сын. Я твой муж. Я, а не он! Я! Ты правда этого не помнишь?

- Я не та женщина, которую ты ищешь. Так нельзя! - От злости стучу ладонью по двери. - Отпусти меня, Данияр. Пожалуйста!

- Так нельзя, ты права. Но я должен хотя бы попытаться что-то сделать.

- Что сделать?

По ту сторону тишина. Долгая. Давящая.

- Я должен помочь тебе вспомнить нас.

Он ненормальный, который решил, что я - его жена.

Бред

Но что, если он прав?

Что, если вся моя жизнь - искусно сплетённая ложь?

Если когда-то я любила его так же, как сейчас боюсь?

Но бояться поздно. Потому что прошлое уже дышит мне в спину...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Саяна Горская

Вернуть жену. Ты должна вспомнить

Глава 1

Я совершенно не помню, какой была раньше.

Память — странная вещь. Она определяет, кто ты и из чего соткана твоя жизнь. Воспоминания — это якоря, которые удерживают нас в реальности.

Но что случится, если их забрать?

Я знаю, что меня зовут Яна. Знаю, что у меня есть муж, есть дом, есть жизнь, которая, вроде бы, принадлежит мне.

Но почему она ощущается чужой?

Почему, когда я смотрю на наши свадебные фотографии, я не чувствую ничего?

Почему иногда в моих снах мелькают лица, которых я не могу вспомнить наяву?

Мне остается только верить. Верить в свою историю, в свою семью, в себя.

Ведь если начать сомневаться в этом...

Что тогда останется?

Яна.

Медленно иду по залу, сжимая в пальцах тонкую ножку бокала. Скольжу взглядом по лицам, спрятанным под масками, точно такими же, как и на моём лице.

Почти никого не узнаю, да и не стремлюсь к этому.

Мне просто приятно быть здесь.

В этом есть что-то странное, почти запретное — быть среди людей. Обычно наша жизнь проходит в уединении, но сегодня Борис позволил мне выбраться. Пусть и ненадолго.

Борис не одобряет такие вечеринки.

Он терпеть не может светские рауты и был бы рад остаться дома, но я настояла. Он не смог мне отказать, хоть и вздохнул тяжело, и даже закатил глаза, что позволяет себе крайне редко.

Зеркальные стены зала отражают тысячи огней, и от этого пространство кажется бесконечным морем света. Люстры светят мягко, бросая золотистые отблески на начищенный мраморный пол. Воздух пропитан ароматом дорогих духов, лёгкой горчинкой шампанского и шелестом роскошных платьев.

Подношу бокал с соком к губам и делаю глоток. Нахожу взглядом мужа — он стоит у одной из колонн, беседует с кем-то из своих деловых партнёров. Весь его вид говорит о том, что он хочет отсюда уйти, но терпеливо ждёт, когда я сама подойду и скажу что, мне уже надоело.

Поправляю маску.

Её бархатистая поверхность холодит пальцы. Мне нравится, что она закрывает почти всё лицо, оставляя открытыми только губы. Нравится эта игра в чужие личности, нравится возможность на несколько часов спрятаться.

От чего?

От самой себя.

Странно, но иногда мне кажется, что моя собственная сущность — чужая для меня.

Я знаю, кто я такая, но порой в отражении вижу женщину, которую не до конца понимаю.

Меня зовут Яна Вострова. Мне тридцать пять лет. Я жена Бориса Вострова, крупного бизнесмена и заядлого игрока в гольф. Я живу в его доме, веду спокойную и замкнутую жизнь, слежу за порядком и не задаю вопросов. Но иногда...

Иногда мне кажется, что что-то не так.

Как будто я — не я. Как будто я была кем-то другим когда-то.

Отгоняю эту глупую мысль. Возможно, мне просто скучно.

Кто-то задевает меня плечом. Теряю равновесие. Маска соскальзывает с моего лица и падает на пол.

— Прошу прощения! — Этот голос прошибает разрядом тока всё тело. — Не ушиблись?

Мужчина наклоняется.

— Нет, всё в порядке, ничего страшного.

— Я вас не заметил, прошу меня... — Протягивает маску.

Поднимает взгляд к моему лицу и зависает с выражением глубокого шока. — Анята?

— Нет, я...

— Аня, это правда ты?

От этого имени, произнесенного севшим, хриплым голосом мои внутренности почему-то делают кульбит.

— Нет, вы... Вы ошиблись.

Лицо мужчины искажается. Правильные черты ломаются, губы искривляются в презрительной ухмылке. На нём узкая маска, скрывающая лишь глаза, и отчего-то они кажутся мне знакомыми.

— Издеваешься надо мной, да? — Он смотрит на меня так, словно мир треснул пополам, словно его выдернули из одной реальности и бросили в другую.

Вырываю свою маску из его рук, резко разворачиваюсь и устремляюсь прочь, лавируя между людьми, ведущими праздные светские беседы.

Сердце разгоняется, внутри нарастает странная паника.

Он идёт за мной, я знаю это. Чувствую, как высверливает дыру в спине чужой тяжёлый взгляд. Плечи напрягаются, дыхание сбивается. Я ускоряю шаг, петляю между гостями, судорожно бегая взглядом по залу в поисках выхода.

— Анята!

Почти срываюсь на бег, залетаю в соседний зал. Свет здесь тусклее, музыка тише, а людей почти нет.

Ныряю за колонну, прячусь в нишу, скрытую за тяжелыми

фалдами бархатных штор. Прижимаюсь спиной к холодной стене. Моё сердце бьётся так громко, что кажется, мой преследователь наверняка его слышит.

Стараюсь не дышать.

— Аня!

Я сжимаюсь в истерическом желании уменьшиться до размеров пылинки.

— Анята! — С надломом и отчаянием в голосе.

Он цедит отборные проклятия, резко и зло.

Тяжелые шаги удаляются.

Остаюсь в тишине. Пальцы дрожат, перед глазами выплывают мушки. Медленно выдыхаю и осторожно выглядываю из своего укрытия.

Пусто.

На непослушных, негнущихся ногах возвращаюсь в зал к людям и почти сразу налетаю на Бориса.

— Где ты была? — В его голосе слышится напряжение.

— Я... Я осматривалась.

— Я потерял тебя из виду. Не исчезай больше так, хорошо?

— Да. Прости, — нервно облизываю сухие губы.

Борис пристально всматривается в моё бледное лицо.

— Всё в порядке?

Мне нужно сказать ему. Сказать, что какой-то мужчина назвал меня чужим именем, что он смотрел на меня так, будто нас что-то связывает.

Но я не говорю.

Борис и так слишком сильно тревожится за меня. Он не любит, когда я куда-то пропадаю, когда исчезаю из поля его зрения. Он боится за меня. Не стоит пугать его ещё больше.

— Конечно, всё хорошо. Но я... Я хочу уехать, — говорю вместо этого.

Борис расслабляется, проводит ладонью по моему плечу.

— Славно, — кивает он и вздыхает с заметным облегчением. — Я тоже. Ненавижу эти скучные вечеринки. Уйдём прямо сейчас?

— Да.

Он берёт меня за руку и ведёт к выходу.

Позвоночником чувствую чужой взгляд. Тяжёлый, цепкий, пронизывающий до самых костей. Не выдерживаю и оборачиваюсь.

Тот самый мужчина стоит чуть в стороне. Смотрит прямо на меня. Не моргает, не отводит глаз. Он медленно достаёт телефон и что-то говорит в трубку.

Сильней вцепляюсь пальцами в ладонь Бориса.

Мы уходим.

Но я уже знаю: этот мужчина из моей головы никуда не уйдёт.

Глава 2

Яна.

Выныриваю из сна резко, будто меня кто-то толкнул.

Несколько мгновений лежу неподвижно, вглядываясь в замысловатые узоры на потолке. Солнечные лучи пробиваются сквозь щель в тяжёлых шторах, но в спальне всё ещё полумрак. В особняке всегда темно.

Медленно перевожу взгляд на соседнюю подушку.

Пусто. Борис уже встал.

Касаюсь пальцами своего пульсирующего виска — странная тяжесть в голове не проходит.

И снова там этот мужчина.

Зажмуриваюсь, пытаюсь вытолкнуть его образ из сознания, но он не уходит. Упрямо сидит там колючей занозой.

Какое мне вообще дело до незнакомца с вечера? С какой стати я о нём думаю?

Пытаюсь воспроизвести в памяти его лицо — тёмные глаза, жёсткие черты, искажённое чем-то похожим на боль выражение.

Анята...

От этого имени по телу снова проходит дрожь.

Я Яна. Яна!

С раздражением сбрасываю с себя одеяло и поднимаюсь. Пора перестать забивать голову ерундой. Спускаюсь по ши-

рокой лестнице вниз, пальцами касаясь холодного деревянного поручня.

Каждое утро одно и то же — почти механические движения, гулкое эхо шагов в пустом холле, абсолютная тишина.

На стенах вдоль лестницы висят фотографии в тонких рамках.

Наша свадьба.

Я не люблю на них смотреть, но всё равно каждый раз задерживаю взгляд. На фотографиях я в пышном белом платье, а Борис в дорогом классическом костюме. Он обнимает меня за талию, склоняется ближе, а я...

Я улыбаюсь. Наверное, счастливо. Но всякий раз, когда я смотрю на эти снимки, у меня возникает странное чувство, будто это не я. Будто я смотрю на совершенно постороннюю женщину.

Может быть, это из-за амнезии. Может, это нормально — не чувствовать связи с прошлым, когда его у тебя просто нет?

Отворачиваюсь и спускаюсь дальше.

Завтрак подан в зимнем саду — просторной комнате, где высокие окна выходят прямо на ухоженный сад и мраморные дорожки. Но несмотря на свет и панорамные виды, это место кажется мне таким же холодным, как и весь особняк.

Почти всё в этом доме — камень и стекло. Гладкие поверхности, тяжёлые колонны, безупречный порядок. Ни одной уютной детали. Здесь всё кричит о статусе, а не о тепле

и уюте.

Прохожусь ладонью по идеально белой скатерти, разглаживая складку, прежде чем занять место напротив Бориса за столом.

Он сидит, склонившись над планшетом, и привычно пролистывает новости. Его тёмные волосы аккуратно зачёсаны назад, белая рубашка безупречно выглажена, жесты спокойные и выверенные.

Борис всегда всё держит под контролем. Я не знаю, каким он бывает вне этого образа. Когда-то мне казалось, что я люблю его. Теперь я не уверена.

Это ужасно — не любить собственного мужа, однако я ничего не могу поделать с этим.

— Доброе утро.

Борис отрывает глаза от экрана и внимательно смотрит на меня, будто проверяет, всё ли со мной в порядке.

— Доброе. Ты плохо спала?

— Почему ты так решил?

— Вид у тебя уставший.

— Просто... Мысли не дают покоя.

Отвожу взгляд и вцепляюсь в чашку с кофе, как в спасательный круг. Борис откладывает планшет в сторону, намазывает хрустящий тост сливочным маслом.

— Тебя что-то тревожит? — Передаёт мне.

— Нет. Не то, чтобы тревожит. Просто... — Закусываю губу.

Может, стоит сказать?

Господи, представляю, что тогда начнётся...

— Просто?

— Всякое женское. Кажется, у меня проблемы с гардеробом. Нужна новая одежда на лето.

— Всего-то? — Борис расслабляется, встаёт. — Эту проблему я легко решу. Кстати... У меня для тебя небольшой сюрприз.

Он проходит к арке, ведущей на кухню. Исчезает за ней на пару секунд, а возвращается с пышным букетом красных роз в руках.

— Ты вчера была такая расстроенная. Вот, решил тебя порадовать с утра.

— Спасибо, — принимаю цветы, тут же откладываю на соседний пустой стул.

Борис склоняет голову к плечу.

— Не нравится?

— Нравится.

— Это же твои любимые розы.

— Да. Мои любимые, — киваю.

Борис часто говорит такие вещи. О моих привычках, о моих страхах, о том, что мне нравится, а что нет.

И мне приходится ему верить. Потому что у меня нет воспоминаний, которые могли бы ему противоречить.

— Я позавтракаю и поставлю в воду, хорошо?

— Мхм, — задумчиво прищуривается муж и возвраща-

ется за стол. — Ты точно в порядке?

— Да, всё отлично, — вымучиваю из себя улыбку.

— Тебе мама звонила?

— Пару дней назад. Мы договорились встретиться на выходных.

— Хорошо, только пускай она сама приезжает в этот раз. Не хочу тащиться к ней в город.

Поджимаю губы.

— Борь, а можно я сегодня прогуляюсь?

Произношу это так, будто прошу у него разрешения. Потому что так и есть.

Борис поднимает бровь.

— Куда ты хочешь пойти?

— Просто пройтись по центру. Подышать воздухом. Съесть мороженого, заскочить в пару магазинов.

— Составь список покупок, я отправлю Катерину.

— Нет, я хочу погулять.

— Одна?

— Да.

Он смотрит на меня так, будто я только что попросила его о чём-то невероятно опасном и безумном.

— Ты же знаешь, что я против.

— Знаю, но почему?

— Потому что так безопаснее.

— Мне ничего не угрожает.

— Яна... — Он делает глубокий вдох, стараясь сохранить

спокойствие. — Мы это уже обсуждали. Ты никогда не гуляешь одна. Хочешь выйти — пожалуйста. Но только с охраной.

— Охрана? — Почти смеюсь, хотя мне не смешно. — Серьёзно? Что страшного в том, что я уеду одна?

— Страшно то, что успех моего бизнеса не даёт покоя многим нехорошим людям. Я не хочу, чтобы они решали проблемы через тебя.

— Это же просто прогулка.

— Это не обсуждается!

В его голосе появляется твёрдость, которая всегда меня отрезвляет. Борис может быть очень нежным, заботливым. Он может быть любящим. Но он не терпит возражений.

И я знаю, что этот разговор для него уже закончен, а очередной бой за свободу для меня уже проигран.

— Хорошо, — выдыхаю и с нервом отодвигаю чашку с кофе в сторону.

— Ян, ну не дуйся только, ладно?

— Ага.

— Яна-а-а, — тянет нараспев. Встаёт, подходит ко мне сзади и кладёт руки мне на плечи. — Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности, девочка моя, — его голос становится мягче. — Я слишком люблю тебя, чтобы потерять. А ты меня? Ты меня любишь?

— Да, — киваю, но почему-то не могу избавиться от ощущения, что эта любовь — клетка.

Он бережёт меня. Прячет. Контролирует. Как будто боится, что однажды я от него сбегу.

Но почему он этого боится?

Глава 3

Яна.

Стою на крыльце, наблюдая, как Борис садится в машину. Водитель закрывает за ним дверь. Окно плавно опускается, и в образовавшейся щели появляется ладонь мужа.

Тоже машу на прощание.

Автомобиль плавно выезжает за ворота, и только когда тяжёлые створки захлопываются, я наконец выдыхаю.

Тишина.

Возвращаюсь в дом. Перескакивая через ступеньки, быстро поднимаюсь наверх.

Каждое утро, когда Борис уезжает на работу, я остаюсь в этом пустом, холодном доме. Просторный, роскошный особняк с высокими потолками и огромными окнами кажется мне тесной клеткой.

Всё здесь идеально, но почему же мне так душно?

Я не могу объяснить этого чувства сама себе. Будто я гость в своей собственной жизни и собственном теле.

Открываю шкаф, быстро достаю простое платье, лёгкий кардиган, натягиваю балетки. В карман бросаю телефон и ключи от машины.

Я нарушаю запрет. Намеренно. В полной мере осознавая возможные последствия.

— Я до магазина, — подкатываюсь медленно к выезду и

останавливаюсь у дежурящего на воротах охранника.

— Выдам сопровождение.

— Я на пятнадцать минут. Соевое молоко закончилось.

— Не положено, Яна Андреевна, вы же знаете правила.

Раздражённо стучу пальцами по рулю. Вздыхаю, закрываю глаза и понижаю голос, будто собираюсь доверить ему страшную тайну.

— Ладно, давай своё сопровождение... Только парней предупреди сразу, что мне в аптеку надо.

Охранник даже не моргает, только сжимает губы в тонкую линию.

— Да, в тот самый отдел, — добавляю, глядя на него испытующе. — Женский.

Молчит.

— Знаешь, у меня тут цикл сбился, гормоны скачут, мигрени, вот это всё... Короче, мне нужны таблетки, да ещё и тест на овуляцию, потому что Борис очень хочет детей, а у нас пока не выходит.

Охранник моргает, опускает взгляд, но я не останавливаюсь.

— К тому же, мне нужно будет пополнить запасы. Прокладки выбрать. С крылышками или без? А может, парни помогут мне тампоны подобрать? С аппликатором или классические? Как думаешь?

Он кашляет, нервно смотрит в сторону.

— Всё, всё, я понял, езжайте.

Шлагбаум тут же поднимается. Я едва сдерживаю улыбку, плавно выезжаю за ворота, но стоит мне скрыться за поворотом, как я выжимаю педаль газа в пол. Проезжаю местный магазин и выруливаю на трассу.

За рулём я чувствую себя свободной. Я просто катаюсь по городу, не имея чёткого маршрута. Открываю окно, позволяя тёплому майскому ветру растрепать волосы. Солнце отражается в стеклах небоскрёбов, майский воздух пахнет весной и чем-то сладким — цветущими деревьями, свежими булочками из уличных кафе.

Я улыбаюсь.

Покупаю мороженое с шоколадной крошкой, сижу у фонтана, люблюсь видом с набережной. Делаю ещё пару кругов по центру на машине, прежде чем решаю, что пора закругляться.

Может быть Борис даже ни о чём не узнает.

Навигатор прокладывает для меня обратный маршрут.

Бросаю взгляд в зеркало заднего вида.

Большая чёрная машина, кажется, уже давно едет следом. Я точно помню, что видела её у набережной, и ещё раз — когда останавливалась у магазина с мороженым.

Неужели всё-таки за мной отправили охрану?

Невыносимо...

Резко сворачиваю через двор на другую улицу. Подозрительная машина не отстаёт и повторяет мой нелогичный крюк.

Еду дальше, поворачиваю ещё раз. Машина тоже.

Моё сердце начинает биться быстрее.

Это может быть совпадение. Может быть. Но что-то внутри холодеет. Я делаю ещё один резкий поворот и останавливаюсь у обочины. Машина тоже останавливается. Я крепче сжимаю руль, сглатываю. Дверь открывается, и из машины выходит мужчина.

Тот самый мужчина, что назвал меня Анютой.

Глава 4

Яна.

Он просто стоит. Не предпринимает попыток подойти ближе, но смотрит в моё зеркало, гипнотизируя взглядом тёмных глаз.

Кто он, чёрт возьми? Конкурент Бориса? Чего хочет?

Открываю дверь и осторожно выползаю из машины.

— Зачем вы меня преследуете? — Вздёргиваю подбородок, стараясь скрыть испуг.

— Это единственный вопрос, который ты хочешь задать?

Несколько его резких шагов вперёд заставляют меня топтаться.

Ну вот, Яна. Глупая ты женщина. Зачем вылезла? Надо было ехать домой!

— Как ты могла, а?! Скажи, как ты спишь всё это время? Совсем совесть не мучает?

Его голос — низкий, хриплый, надорванный.

Вскидываю голову.

Он стоит прямо передо мной.

Высокий, с напряжёнными скулами, в дорогом пиджаке, идеально подогнанном по фигуре. Его пальцы сжимаются в кулаки так, что белеют костяшки пальцев.

— Простите?

— Не прощу, Аня. Не прощу. Но я должен знать, почему

ты нас бросила.

Его взгляд, полный отчаяния и боли, пробирается под кожу, буравит мясо и впивается в кости.

Я не понимаю.

Совсем...

— Я... Я не знаю вас. Вы меня с кем-то путаете.

Мужчина смеётся горько и с надрывом.

— Не знаешь меня?! — Он делает ещё шаг вперёд, и я снова отступаю. — Ты впервые меня видишь?! Я Данияр. Забыла?

Улыбка — хищный оскал. Глаза блестят лихорадочно.

Я судорожно сглатываю.

— Да...

— Кончай ломать комедию, Аня! Из тебя так себе актриса!

Аня...

Мурашки пробегают по коже.

— Вы ошиблись... Обознались. Меня зовут Яна.

— Яна? — Произносит он с каким-то тихим, жутким изумлением. — Вот как... Значит, теперь ты — Яна. Оказывается, можно вот так просто всё перечеркнуть? Взять новое имя, забыть о прошлом... Но взрослые люди, Ань, так не поступают! Они... Они решают проблемы, а не бегут от них!

— Вы меня пугаете!

— Я тебя пугаю?! Ты пропала. Ты исчезла! Бросила нас! А я... Я искал тебя. Четыре года! Я всю страну перевернул,

Аня! — Его голос звенит, наполненный таким количеством эмоций, что мне становится трудно дышать. — Обзванивал морги! Больницы! Просматривал камеры с вокзалов и аэропортов! Я не знал, жива ты или мертва! И Матвей... Ты хоть представляешь, что пережил твой сын?!

— Сын? — Заторможенно моргаю.

Одно слово. Три простые буквы. Они застревают льдиной в сердце.

— Мат-вей, — повторяю медленно, пробуя слово на вкус, будто оно чужеродное, но... Нет. Что-то в нём есть. Тонкая, едва уловимая вибрация внутри, отголосок чего-то далёкого, спрятанного в темноте.

Оно касается меня, но не раскрывается.

Грудную клетку сжимает странное ощущение — тяжёлое и липкое. Ищу в себе ответ, копаюсь в мыслях, но ничего не нахожу. Упираюсь в чёрную пустоту.

— Не смей, — голос Данияра падает почти до шёпота. — Не смей делать вид, что это имя тебе ни о чём не говорит.

Я поднимаю на него взгляд. Глаза горят. В них столько боли, что мне хочется отвернуться, спрятаться от его тяжёлых эмоций, но я не могу.

— Я... — Голос глохнет. Я не знаю, что сказать. Внутри всё спутано.

Данияр сжимает кулаки, выдыхает, смотрит на меня так, словно я должна вспомнить прямо сейчас, должна осознать всё в один миг. Но я не могу.

Я просто не могу.

Я обескуражена и дезориентирована. В голове полнейший бардак.

— Я вас не знаю, — шепчу онемевшими губами.

— Врёшь.

— Нет!

Мужчина вскидывает руки, обессиленно проводит по лицу.

— Господи, да как так?!

— Я не хочу вас больше видеть! — Почти кричу. — Оставьте меня в покое! Кто вы? Что вам нужно от меня?!

— Я твой муж!

В воздухе расстилается тишина, несмотря на шум проносащихся мимо машин.

Я застываю. Сердце, грохнув финальный аккорд, замирает.

Данияр сжимает челюсти. Выглядит он так, словно сам испугался своих слов. Будто он не хотел говорить это так резко. Но уже сказал.

— Ты лжёшь, — выдыхаю я, отрицательно качая головой. — Это неправда.

— Неправда?! Скажи мне, Я-на... Ты счастлива теперь?

Внутри меня холодной волной поднимается паника.

— Прошу, оставь меня в покое, — шепчу.

Пятясь, подхожу к машине, рывком открываю дверь. Данияр не двигается. Он просто смотрит, позволяя мне рети-

роваться с этого поля боя.

Уезжаю, бросая прощальный взгляд в зеркало заднего вида.

Газ давлЮ машинально. Перед глазами всё ещё стоит Данияр. Пальцы конвульсивно сжимаются на руле. Мир вокруг теряет чёткость. Дорога впереди превращается в серую полосу, размытую, бесконечную. Дыхание поверхностное, ровное. В голове хаос.

За окном мелькают светофоры, встречный поток машин, но всё это кажется таким отстранённым, будто я смотрю фильм, в котором сама не участвую.

Когда ворота дома гостеприимно распахиваются перед моей машиной, сердце падает куда-то в живот. На крыльце, скрестив руки на груди, стоит Борис. Вся его поза, напряжённая, застывшая жёсткой линией, говорит о том, что он зол. Я почти вижу, как внутри него бушует ярость, сдерживаемая лишь силой воли.

Выдыхай, Яна. Спокойно. Всё в порядке.

Глушу мотор и медленно выхожу из машины.

— Где ты была? — Борис идёт мне навстречу. Его шаги чёткие, резкие. Глаза сверкают тревогой.

— Просто хотела прогуляться.

— Ты знаешь правила, Яна! — Голос громкий, рубящий, однако он не кричит. Он вообще редко кричит. Ему это не нужно — его тона и взгляда вполне достаточно, чтобы внутри всё съёживалось.

Пристыжено опускаю глаза.

— Да, прости. Мне хотелось... Хотелось немного свободы.

Борис делает шаг вперёд и заключает меня в объятия. Сильные руки сжимают меня так крепко, что на секунду я теряю возможность сделать вдох.

— Главное, что с тобой всё хорошо, — шепчет он мне в волосы. — Это самое главное для меня.

Медленно обнимаю его в ответ, но внутри... Внутри что-то не так. Я пытаюсь найти в себе привычное чувство безопасности, но вместо этого ощущаю лишь растущую тревогу.

Вспоминаю глаза Данияра. Его голос, дрожащий от злости и боли.

Моё сердце гулко стучит в груди. Разжимаю руки, отстраняюсь.

— Борь...

— М? — Он смотрит на меня внимательно, чуть хмурясь.

— Я была замужем до тебя?

— Нет, никогда, — его голос твёрд, но мне кажется, что он слишком ровный, будто отрепетированный. — Почему ты спрашиваешь?

Вглядываюсь внимательно в его лицо, в ледяной блеск серых глаз.

— Просто... Подумала об этом. Может быть я чего-то о себе не знаю?

— Я дал тебе исчерпывающую информацию, уж поверь.

Больше тебе знать не нужно, — Борис закидывает руку мне на плечо и уводит в дом.

Глава 5

Дан.

Я не могу прийти в себя.

Стою на обочине среди улицы, и не могу в полной мере осознать, что действительно видел только что её.

Всё внутри рвётся в лохмотья.

Анюта...

Живая.

Настоящая.

Я столько раз представлял этот момент, столько раз думал, что почувствую: радость, облегчение, наконец-то освобождение от этого четырёхлетнего кошмара?

Но сейчас меня накрывают совсем иные чувства.

Боль. Злость. Гнев.

Ведь она смотрела на меня так, будто никогда не знала. Будто я — пустое место. Будто всё, что нас когда-то связывало ничего не значит теперь.

Она не исчезла. Не умерла. Не была похищена.

Она просто ушла.

И моя первоначальная теория о любовнике, та самая теория, которую с таким отчаянием отрицала каждая клеточка моей души, оказалась верной.

Я зря обманывал себя столько лет. Зря обманывал Матвея.

Чувствую, как руки против воли сжимаются в кулаки. Как в голове вспыхивает пламя, выжигая остатки адекватности.

Какого чёрта?!

На эмоциях хочется раздолбать что-нибудь. Разбить в крошки.

Срываю с себя маску сдержанности и с размаху луплю по капоту машины, но боль от удара не сравнится с той, что горит и разъедает изнутри, оставляя после себя кровоточащие и гниющие язвы.

Сажусь за руль. Сжимаю кожаную оплётку, выцеживая через зубы самые отборные проклятия.

Лезу за телефоном, набираю брата. Длинные гудки наконец сменяются недовольным и ворчливым голосом.

— Дан, какого хрена ты звонишь? Я же просил...

Дышу тяжело, пытаюсь подобрать слова.

— Я нашёл её.

— Что? — После затянувшейся звенящей паузы.

— Я нашёл Анюту.

Ян шумно сглатывает.

— Да ладно! Где?

— Не спрашивай. Она... Она теперь с Востровым.

— Ты же проверял его?

— Проверял. Несколько раз проверял. Видимо, не достаточно хорошо. Он не показывает её. Прячет от людей, как неведомую зверушку.

Ян молчит.

Я усмехаюсь, но в этом нет ни капли веселья.

Сам поражаюсь собственной тупости. Ведь я всегда знал, что Востров неровно дышит к Аняте. Знал и видел это собственными глазами, но...

— Она вышла за него замуж. Сменила имя.

— Серьёзно? А имя-то нахрена менять?

Устало провожу ладонью по лицу.

— Не знаю. Решила, видимо, отсечь прошлое под самый корень. Делает вид, что меня не знает. Что Матвея не знает. Будто всё это время нас вообще не существовало в её жизни.

Ян крепко матерится.

— Ну, есть ведь и хорошее в этом, да?

— Что? — Рычу.

— Можно свернуть расследование. Жить дальше. Жить со спокойной совестью, зная, что ты сделал всё возможное.

— О чём ты? — Не въезжаю. — Ты разве не понимаешь, что здесь что-то не так?

— О, нет, Дан! Завязывай со своими теориями заговора! Я столько их наслушался за четыре года!

— А тебе не кажется это странным? Уехать, потеряться, сменить имя... Может, с ней что-то случилось? Может, память...

— Ты сам в это веришь? — Перебивает Ян. — Может, она просто сделала свой выбор?

— Нет! — С трудом удерживаю децибелы голоса в пределах нормы. — Я никогда в это не поверю!

Ян снова молчит. Только тихо мычит что-то себе под нос.
— И что теперь?

Сжимаю кулак, снова ощущая, как во мне закипает ярость. Завожу машину.

— Я собираюсь вернуть свою жену.

— Дан, ты не можешь...

— Я не спрашиваю у тебя разрешения.

— Ну ещё бы! — Фыркает Ян.

Резко выкручиваю руль, бросая последний взгляд в сторону, куда уехала Аня.

— Ты разве не видел, как жил Матвей все эти годы?

Ян молчит. Он прекрасно знает. Он видел, как мой сын каждый день ждал свою мать. Как смотрел на дверь, как засыпал с её фотографией, как вставал по ночам, надеясь, что она вернётся. Как я сотни раз засыпал на диване, не имея сил дойти до кровати. Как пил, чтобы заглушить боль.

Спасибо небесам, что потом перестал, потому что сыну всё же нужен живой отец.

— Ян, я не позволю ей просто так нас забыть.

— Это прекрасно, конечно, но может быть стоит подключить к делу полицию?

— И что? Она знать меня не хочет. Думаешь, разговор с полицией что-то ей докажет? Нет, Ян, я только зря суету наведу, а Востров, тем временем, перепрычет мою жену. Мою! Жену!

— Ты уверен, что готов к этому? Последствия могут ока-

заться очень печальными.

— Мы с Матвеем четыре года жили в аду. Сжав зубы, терпели. — Поднимаю глаза к небу. — Теперь пускай потерпит она.

Глава 6

Яна.

Утро окутывает дом мягким светом, но мне кажется, что он здесь никогда не бывает по-настоящему тёплым. Каменные стены холодны, воздух пропитан тишиной, которая должна быть уютной, но почему-то давит на грудь.

Медленно спускаюсь по лестнице, пальцами скользя по отполированным перилам. Снова по привычке зависаю на пару секунд перед фотографиями со свадьбы.

Хмурюсь.

Какое дурацкое свадебное платье. Почему я решила выбрать именно его?

Спускаюсь на первый этаж. Борис уже сидит за столом, как обычно смотрит в планшет, читает новости и выглядит крайне сосредоточенным.

Сажусь напротив, наливаю кофе из кофейника.

— Я могу оставить тебя одну? — Спрашивает муж, не отрывая взгляда от экрана. — Надеюсь, ты не повторишь свою вчерашнюю диверсию?

— Это была не диверсия, а всего лишь вылазка за мороженым, — пытаюсь улыбнуться, но выходит натянуто и неловко.

Борис тоже усмехается, но в его глазах есть что-то, от чего внутри всё сжимается.

— Слушай, я понимаю, как сложно тебе постоянно сидеть дома. Ты молодая, красивая женщина. Тебе хочется развлечений, впечатлений.

— Нет, Борь, я...

— погоди, — поднимает он в воздух указательный палец. — У меня предложение: давай на выходных вместе выберем-ся в центр? Поужинаем в каком-нибудь уютном ресторанчике, прогуляемся по набережной.

— Можно, да. Хорошая идея.

Впиваюсь зубами в хрустящий тёплый тост. Внутри меня снова разрастается этот ком... Чувство, будто всё вокруг неправильное. Фальшивое.

— Борь... — Начинаю я осторожно, откладывая тост обратно на тарелку.

— М?

— А почему... Почему у нас нет детей?

Борис, успевший сделать глоток кофе, давится и закашливается. Выплёвывает остатки кофе в стакан, хватается салфетку, промакивает осторожно подбородок и губы.

— Что? — В голосе мужа звенит напряжение.

— Почему у нас нет детей?

— Ну... Эм... Ты... Мы... — Он замолкает, нервно поправляет рукава рубашки. — Ты вообще-то никогда не хотела иметь детей, Яночка.

— Правда? Почему?

— Что значит «почему»? Такое просто случается. Мы с

тобой сразу решили, что детей у нас не будет.

— Почему?

— Что ты заладила? — Борис отворачивается, словно собираясь с мыслями, потом снова смотрит на меня. — Тебе просто это было неинтересно. Ты говорила, что беременность плохо отразится на твоей фигуре. Да и вообще в материнстве ты себя не видела.

Я моргаю растерянно. Эта мысль просто не укладывается у меня в сознании. Не идёт туда. Ощущается чем-то чужим, неправильным.

Я бы никогда не поставила фигуру выше ребёнка. Даже сейчас, зная себя лишь со слов Бориса, я уверена в этом.

— И ты смирился с моим решением? — Спрашиваю, пытаюсь найти подтверждение, зацепиться за логику.

Борис пожимает плечами.

— Да. Потому что я люблю тебя. И кроме тебя мне никто не нужен.

Опускаю глаза в чашку с кофе. Он уже давно остыл, но мне не хочется пить.

— А сейчас? Сейчас ты хочешь детей?

Борис хмурится.

— А ты?

— Я думаю, что да...

На лице Бориса мелькает раздражение.

— Яна, дети — это огромная ответственность. Это не игрушка. Ты поразвлекаешься немного, а потом тебе надоест.

И что мы будем делать?

— Но я уверена, что буду хорошей мамой.

Борис резко вскидывает голову, его взгляд пронзает меня.

— Да откуда ты это знаешь?! — Резко спрашивает он. —

Откуда тебе знать?!

Открываю рот, но правильных слов подобрать не могу.

— Ты без моей помощи не можешь вспомнить элементарных вещей из прошлого, но почему-то вдруг решила, что мамой ты станешь первоклассной! Нет. Забудь. Дети — не наша история. Нам прекрасно вдвоём.

Он встаёт так резко, что стул с противным скрипом прокатывается по полу. Смотрю ему в спину, а потом на свою тарелку, в которой так и остался недоеденный тост.

Всё внутри дрожит.

Я не могу вспомнить, но на уровне инстинктов чувствую: что-то здесь не так.

Собираю волосы в высокий хвост, надеваю спортивный костюм, затягиваю шнурки на кроссовках покрепче.

Телефон на тумбочке оживает звонком. Вибрация разливается по коридору.

На экране высвечивается «мама».

— Привет, мам, — улыбаюсь я в камеру, принимая видеовызов.

— Яночка, доброе утро, родная! Куда-то собираешься?

— Побегать. Хочу немного проветрить голову. Да и день

такой хороший.

— Отличная мысль. Я хотела спросить, не забыла ли ты про наши планы на выходные?

— Конечно, нет, — опираюсь о край комода, свободной рукой подтягиваю носок на правой ноге. — Жду нашей встречи. Как ты? Всё хорошо?

— Ой, да что я? Всё как обычно, — в голосе мамы сквозит привычное тепло. — Вчера встретила старую знакомую, вспомнили молодость, болтали три часа!

— Представляю, — смеюсь я. — Что за знакомая?

— Ты всё равно её не помнишь, — отмахивается мама с улыбкой и запоздало осекается. — Нет, я не то имела в виду. Не к тому, что ты...

— Мам, всё в порядке. Я уже привыкла.

— А я вот не могу, — хмурится мама. — Как представляю, что ты, должно быть, чувствуешь. Моя девочка.

— Мамуль, прошу, давай без драмы с утра, — выдавливаю из себя очередную ободряющую улыбку.

— Ладно. А ты как? Как у вас с Борисом?

— Всё хорошо, — отвечаю на автомате.

Мама вздыхает, словно считывает по моему лицу всё внутреннее напряжение.

— Ну ладно, детка, не буду тебя отвлекать. Береги себя, хорошо?

— Берегу. До встречи.

Заканчиваю разговор, засовываю телефон в карман, вклю-

чаю музыку, надеваю наушники. Энергичный бит бьет в уши.

Солнечные лучи ласково касаются кожи, воздух пропитан хвоей и свежестью. Дыхание сразу становится глубже, свободнее. Спускаюсь по каменным ступеням, преодолеваю насыпную дорожку, которая ведёт в лес через задние ворота особняка.

Бегать я могу без охраны, потому что здесь безопасно. Может быть, именно это мнимое ощущение свободы и нравится мне. Даже больше, чем сам бег.

Сосны здесь высокие, величественные, их ветви колышутся под натиском лёгкого ветерка. Бегать здесь — одно удовольствие.

Шаг. Шаг. Шаг.

Ускоряюсь.

Ноги почти не касаются мягкой земли, усыпанной пожелтевшими иголками сосен. Тело быстро находит нужный ритм. Дыхание ровное, движения отточенные, будто я сотни раз бежала по этому маршруту. Впрочем, наверное, так оно и есть.

Бег очищает голову.

Мысленно я раскладываю всё по полочкам, фильтрую, отделяю важное от ненужного.

Дети. Этот разговор с Борисом за завтраком...

Я не хотела их? Не видела себя в материнстве?

Это неправда. Это не может быть правдой.

В груди что-то неуловимо сжимается.

Шаг. Шаг. Шаг.

Сосны мелькают, музыка оглушает, сердце стучит в рёбрах.

А потом — резкий рывок назад. Кто-то хватается меня за плечо, дёргает с силой, которой я не ожидаю. Я оборачиваюсь, но не успеваю ничего рассмотреть — въедливый запах химии бьёт в нос.

Сознание затухает. Голова кружится, руки слабеют, ноги подкашиваются. Темнота рвёт меня изнутри, затягивает, засасывает.

Последнее, что я вижу — тёмный салон машины.

А потом я проваливаюсь в пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.